
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Гобозов И. А.*

В статье подчеркивается, что развитие человечества носит естественно-исторический характер. Россия как часть человечества тоже развивалась естественным путем до петровских реформ. Но Петр I решил европеизировать Россию насильственным путем, не подумав о том, что в Европе в это время динамично развивался капитализм.

Петр I своими волюнтаристскими действиями сбил Россию со своего естественного пути развития. Реформы Петра I привели к расколу российской интеллектуальной элиты на западников, славянофилов и евразийцев. Западники отдавали предпочтение европейскому пути развития, славянофилы – собственному пути. В отличие от западников и славянофилов евразийцы утверждали, что Россия получила наследие Чингисхана, а петровские реформы ее разрушили. Споры эти продолжаются до сих пор.

Ключевые слова: Россия, пути развития России, Петр I, Екатерина II, западники, славянофилы, Н. Я. Данилевский, евразийцы, Н. С. Трубецкой.

The article emphasizes that the development of humankind is of natural-historical nature. Russia as a part of humanity also developed naturally before the reforms of Peter the Great. But Peter I decided to Europeanise Russia by force without thinking about the fact that capitalism was developing dynamically in Europe at that time.

Peter the Great led Russia astray from its natural path of development with his voluntaristic actions. His reforms split the Russian intellectual elite into Westernizers, Slavophiles and Eurasianists. Westerners gave preference to the European path of development, while the Slavophiles preferred their own path of development. Unlike both of them, the Eurasianists argued that Russia inherited the legacy of Genghis Khan, and that Peter's reforms destroyed it. These disputes are still ongoing.

Keywords: Russia, development paths of Russia, Peter I, Europeanization, Catherine II, Westernizers, Slavophiles, Nikolai Danilevsky, Eurasians, Nikolai Trubetskoy.

Прекрасная вещь – любовь к отечеству,
но есть еще нечто более прекрасное –
это любовь к истине.

П. Я. Чаадаев

* Гобозов Иван Аршакович – д. ф. н., заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Если мы мысленно представим себе движение человечества по восходящей линии, то увидим, что оно происходит крайне неравномерно. Одни народы оказываются на стадии высокоразвитой цивилизации, а другие – в первобытном обществе. Одни сходят с исторической сцены, а другие появляются на их месте. Одни оставляют последующим поколениям огромные достижения в сфере материального и духовного производства, а другие – ничего.

Почему так происходит? Потому что такова имманентная логика развития исторического процесса, представляющего собой единство объективного и субъективного. Под объективными подразумеваются факторы, существующие независимо от воли и желаний людей. Скажем, экономический фактор является объективным, так как без него просто немислима жизнь человека. Чтобы последний мог физически выжить, ему необходимо создавать средства существования: пищу, одежду, жилье и т. д. Под субъективным следует понимать то, что зависит от самих людей, от их сознательности, уровня культуры, дисциплинированности, ответственности и т. д.

Приоритет принадлежит объективному. Оно в конечном счете детерминирует субъективное. Так, например, люди несвободны в выборе своих производительных сил, составляющих основу всей их истории, поскольку они им достались от предыдущих поколений. Но они могут их максимально эффективно использовать или же, наоборот, даже потерять то, что уже имели. История человечества свидетельствует, что при одних и тех же средствах производства можно жить как хорошо, так и плохо.

Если брать человечество в целом, то по мере его продвижения по пути социального прогресса возрастает роль субъективного фактора. Можно сказать, что становление человеческого рода есть становление собственно человеческой истории. Первобытное общество – это социум, который с некоторыми оговорками ближе к природе, чем к подлинной истории людей. Почти все отношения между индивидами регулировались не социальными, а естественными связями. Даже орудия производства создавались с учетом естественных условий.

Часто можно услышать фразу о том, что у России собственный путь развития, и поэтому она не подчиняется никаким общим законам человеческого общества. Это неверное утверждение. Россия – часть социального мира, всего человечества, и никаких особых путей развития у нее нет, тем более в современную эпоху глобализации. Но, конечно, наша страна, как и всякий конкретный социальный организм, имеет свои специфические особенности, проявляющиеся в менталитете народа, его образе жизни, культуре и т. д. Диалектика предполагает учет общего, особенного и единичного. Скажем, каждый народ имеет свой архетип, который играет важную роль в его жизнедеятельности.

Вот уже 300 лет Россия ищет свое место в социальном мире. Начало поискам этого места положил Петр I. До петровских реформ страна развивалась естественным путем. Но Петр I несколько раз побывал в Европе, ему там все понравилось, и он решил полностью **европеизировать** Россию. Как пишет В. О. Ключевский, «вслед за Петром в 1698 г. в Россию наехала пестрая толпа всевозможных художников, мастеров и ремесленников, которых Петр за границей пригласил на свою службу; в одном Амстердаме он нанял до тысячи разных мастеров и ремесленников. Одной из главных обязанностей русских резидентов при иностранных

дворах также был набор иноземных мастеров на русскую службу. В 1702 г. по Германии распубликован был манифест Петра, приглашавший в Россию иноземных капиталистов, фабрикантов и ремесленников на выгодных условиях. С тех пор начался усиленный прилив в Россию заграничного фабричного и ремесленного люда; иноземцы соблазнялись выгодными условиями, какие им предлагались, и точным исполнением данных обещаний со стороны русского правительства» [Ключевский 1989а: 101].

Реформы Петра I получили неоднозначную оценку в общественной жизни России. Начнем с А. С. Пушкина: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [Пушкин 1978: 211]. Пушкин тут же добавляет: «Но войны, предпринятые Петром Великим, были благотельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [Там же].

Вместе с тем Пушкин отмечает, что «долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния, рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благотельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера...» [Там же: 210].

Реформы Петра I разделили русскую интеллигенцию на *западников* и *славянофилов*. Западниками были П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский и др., славянофилами – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др. Западники ратовали за западный, европейский путь развития России. Крайнюю точку зрения занимал П. Я. Чаадаев. В «Философических письмах» он дает довольно критическую характеристику России. Он считает, что наша страна не принадлежит ни к Западу, ни к Востоку и что у нее нет единства прошлого и настоящего, нет и внутреннего развития. «Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, то есть по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставляли самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего у них нет ничего, все их знание на поверхности, вся их душа – вне их. Таковы же и мы» [Чаадаев 1989: 21]. Мыслитель отрицает самобытность истории русского народа, вообще не находит ничего позитивного в этой истории. С этим категорически нельзя согласиться. Нет народа без истории, ведь «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями...» [Маркс, Энгельс 1955а: 44–45]. Совершенно ясно, что Россия существует на земле больше тысячи лет и за это время сотни поколений передавали друг другу материальные и духовные ценности, составляющие историю русского народа.

Другие западники признавали как достижения, так и недостатки допетровской России. В. Г. Белинский, например, подчеркивал: «Дух народа всегда был

велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства...» [Белинский 1992: 83]. Что касается петровских реформ, то Белинский считал их необходимыми и неизбежными.

В отличие от западников, игнорировавших отечественные ценности, славянофилы выступали не против европейских ценностей, а в защиту отечественной культуры, традиций, образа жизни и т. д. Но и те и другие горячо любили Россию, русский народ, искали пути улучшения жизни униженных и оскорбленных.

Особо следует сказать о воззрениях Н. Я. Данилевского, который, по мнению многих исследователей, теоретически обосновал славянофильство. Это тем более важно, что, к сожалению, в советскую эпоху практически игнорировали духовное наследие Данилевского, оставившего глубокий след не только в общественном, но и в естествознании.

В работе «Россия и Европа», опубликованной в 1871 г., он дал глубокий философско-исторический анализ исторического процесса и взаимоотношений России и Европы. Поводом для написания этой интересной книги послужило поражение России в русско-турецкой войне 1853–1856 гг. Союзниками Турции были Англия и Франция. Без их участия Турция не победила бы Россию в этой кровопролитной войне.

Европа не признает Россию своей, пишет Данилевский, потому что действительно в культурно-историческом смысле Россия не есть Европа, то есть она не относится к германо-романской цивилизации. «Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий стол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево...» [Данилевский 1991: 59–60]. Но Россия, утверждает Данилевский, не принадлежит и к Востоку. Россия есть самобытный культурно-исторический тип цивилизации.

Н. Я. Данилевский задолго до А. Тойнби разработал теорию локальных цивилизаций, или культурно-исторических типов. Таких цивилизаций он насчитал десять: «1) Египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский» [Там же: 88].

Данилевский выделил общие законы развития культурно-исторических типов: 1) народы, говорящие на одном или близких языках, составляют один культурно-исторический тип; 2) для возникновения и развития цивилизации, или культурно-исторического типа, необходима определенная независимость; 3) «...начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип выбирает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [Там же: 91]; 4) успехи цивилизации зависят от разнообразия элементов культурно-исторических типов; 5) формирование цивилизаций длится долго, а период их расцвета краток.

Относительно реформ Петра I Данилевский считает, что в деятельности русского царя «необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, то есть изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благоговения потомства... Но деятельностью второго рода он не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что досель еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело; возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу... К чему было брить бороды, надевать немецкие кафтаны, загонять в ассамблеи, заставляя курить табак... искажать язык...» [Данилевский 1991: 265–266]. Здесь нельзя не согласиться с выдающимся русским мыслителем и патриотом.

Заимствования из европейской культуры Данилевский назвал европейничаньем, суть которого он сводит к следующему: 1) «Искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными; искажение и замена, которые, начавшись с внешности, не могли не проникнуть в самый внутренний строй понятий и жизни высших слоев общества – и не проникать все глубже и глубже. 2) Заимствование разных иностранных учреждений и пересадка их на русскую почву – с мыслью, что хорошее в одном месте должно быть и везде хорошо» [Там же: 267]. 3) Взгляд на внутренние и внешние вопросы русской жизни с европейской точки зрения.

В этом тоже нельзя не согласиться с замечательным русским ученым.

Данилевский был уверен в том, что с Европой рано или поздно придется воевать и к этой войне надо готовиться.

Н. Г. Чернышевский вообще считал, что реформы Петра I особого влияния, кроме армии, не оказали на российское государство и жизнь народа. Чернышевский не совсем прав, ибо в целом петровские реформы дали определенный толчок развитию экономики, науки, духовного производства.

Таким образом, в XIX в. шли острые дискуссии о пользе и вреде петровских реформ, о месте России в европейской истории.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в русском зарубежье возникает новое философско-историческое течение, получившее название евразийства. Главными представителями этого течения были Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский и др.

В России за последнее время вышло немало работ, посвященных теоретическим воззрениям евразийцев [см.: Евразия... 1992; Глобальные... 1993; Новикова, Сиземская 1992; Люкс 1993]. Поэтому я остановлюсь только на концепции Трубецкого, являющейся квинтэссенцией всего евразийства. Но прежде всего следует подчеркнуть, что евразийцы отвернулись от Запада, подвергли критике реформы Петра I и свои взоры устремили на Восток, в сторону Монгольской империи.

Поскольку концепция Н. С. Трубецкого никогда широко не афишировалась, я буду вынужден обильно цитировать ее автора.

Трубецкой утверждает, что в развитии России можно выделить три периода: **период монгольского ига, период европеизации и советский период**. Анализируя *монгольский период*, Трубецкой пишет: «Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Черным. Вся прочая большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем “туранских” или “урало-алтайских”. В истории всей названной географической области эти туранские племена играли первоначально более значительную роль, чем восточнославянские русские племена. Даже в так называемый домонгольский период туранские государства в пределах одной европейской России (царство волжско-камских болгар и царство Хазарское) были гораздо значительнее варяжско-русского. Самое объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами. Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю... Мы склонны были всегда выдвигать наше славянское происхождение, замалчивая наличность в нас туранского элемента, даже как будто стыдясь этого элемента. С этим предрассудком пора покончить. Как всякая предвзятость, он мешает правильному самопознанию...» [Трубецкой 1995а: 141].

К туранской группе Трубецкой относит угро-финские народы, самоедов, тюрок, монголов и маньчжуров.

Трубецкой прямо пишет: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще “собирания русской земли”, стали собирать земли западного улуса великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. “Свержение татарского ига” свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву. Даже персонально значительный процент бояр и других служилых людей московского царя составляли представители татарской знати» [Там же: 157].

Эти идеи Трубецкой продолжает развивать в специальной работе «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока».

Он пишет: «Господствующий прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой “Киевской Руси”, вряд ли может быть правильным. То государство, или та группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под именем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством... Одного взгляда на историческую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что почти вся территория современного СССР некогда составляла часть монгольской монархии, основанной великим Чингисханом. Некоторые части прежней императорской России, присоединенные в послепетровскую эпоху: Финляндия, Польша, Балтийские провинции, – в монархию Чингисхана не входили; но они и отпали от России, так как

исторической, естественной, государственной связи у них с Россией не было... Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [Трубецкой 1995б: 211, 212, 213].

Трубецкой считает Чингисхана великим завоевателем и организатором, придававшим главную роль не насилию, а моральным нормам и принципам. Он высоко ценил верность и преданность, но ненавидел измену, предательство и трусость. Думаю, что Трубецкой слишком идеализирует образ Чингисхана. Он умалчивает о том, что завоеванные им кочевники гибли тысячами, жили в нищете и платили дань властителям империи. Собственно говоря, империя жила за счет безжалостной эксплуатации своих подданных. Она просуществовала сотни лет, но никаких следов духовной культуры в истории человечества не оставила.

Второй период – период европеизации – начинается с приходом к власти Петра I. «...Петр I задал тон всей последующей русской истории. С него начинается новый период, который можно назвать периодом антинациональной монархии.

Все основы русской жизни резко изменились. Так как все идеологические основания прежней русской государственности были свергнуты и растоптаны, то государственность эту приходилось строить только на силе. Крепостное право и военная организация существовали в России и раньше, но страной по существу крепостнической и милитаристической Россия стала только после начала европеизации. Новая идеология была идеологией чистого империализма и правительственного культуртрегерства, насильственного насаждения иноземной цивилизации внутри страны в соединении с завоевательским задором против иностранных держав вовне страны. В этой идеологии, таким образом, сохранялось то же внутреннее противоречие, которое определило собой весь характер деятельности Петра I. Взгляд на Россию и на русский народ только как на материал для создания могущественной европейской державы, презрение ко всему исконно русскому как к варварству и к русским людям как к полудиким дуракам, которых надо палкой научить быть европейцами, – все это, разумеется, лучше всего могло проводиться в жизнь не русскими, а иностранцами, природными европейцами. И естественно, потому, что иностранцы стали пользоваться особой благосклонностью русских монархов, заполнили собой кадры правительственного аппарата и командного состава армии и что официальная история этого периода из всех монархов после Петра I наиболее превознесла чистокровную немку Екатерину II» [Там же: 244].

В конце концов, продолжает Трубецкой, европеизация привела к тому, что «революция и свержение императорской власти становились неизбежны. Всею своей деятельностью правительство само подготовило революцию, собственными руками рыло себе могилу» [Там же: 252]. Наступает *третий период развития России – советский период.* Его Трубецкой делит на два этапа. На первом этапе советская власть продолжает политику европеизации Советской России. Причину этой европеизации он видит в проповеди коммунизма, порожденного европейской цивилизацией. Тем не менее на втором этапе советского периода, продолжает Трубецкой, происходит постепенный отказ от европеизации, все больше и больше внимания уделяется национальным культурам. Легко догадаться, что речь идет о проводимой советской властью культурной политике, когда все народы

Советского Союза получили возможность развивать свою культуру, приумножать свои духовные ценности и приобщились к культурным ценностям народов всего мира.

Под естественным историческим путем развития России Трубецкой, видимо, подразумевает необходимость того, что почти 240 лет Россия находилась в составе Монгольской империи и это не могло не сказаться на ее экономическом, политическом и культурном развитии. Это действительно так. Возьмем, например, *менталитет* народов России и СССР. Этим народам присущи такие ментальные признаки, как, например: царистский менталитет: царь всегда хорош, никогда не ошибается, заботится о народе, но во всем виноваты окружающие его люди; страх перед чиновниками; беспечность; крайне низкий уровень политической культуры; отсутствие гражданских позиций; религиозность; слепая вера в социализм и коммунизм, а теперь в капитализм; безразличие к судьбе государства и к собственной судьбе и т. д. и т. п.

Петр I решил европеизировать Россию, но не учел, какой путь Европа прошла к этому времени. Путь этот длинный, богатый разными событиями, войнами, восстаниями рабов и крестьян, великими географическими и научными открытиями, появлением христианства, Возрождения, Реформации и т. д. Во всех сферах общественной жизни происходили глубокие преобразования. В целом человечество шло от одной стадии развития к другой, более прогрессивной.

В Европе с XVI в. начинает формироваться качественно новая стадия или формация развития общества. Речь идет о капиталистическом или *буржуазном способе производства*, коренным образом отличающемся от рабовладельческого и феодального строя, хотя и там и тут экономическим фундаментом выступает частная собственность на средства производства. Дело в том, что как при рабстве, так и при феодализме эксплуатирующий класс (рабовладельцы или помещики) интересовались не развитием производительных сил, а получением прибавочного продукта в натуральном виде, потому что рынок не носил универсального характера. Герой Пушкина Онегин, например, читал Адама Смита и хорошо понимал, почему государству не нужно золота, когда у него есть простой, то есть натуральный, продукт. Помещику надо было доставить определенное количество продуктов, а развитие производительных сил его совершенно не интересовало.

Появились новые классы: наемный рабочий и капиталист-предприниматель, или буржуй. В отличие от помещика капиталист заинтересован не в прибавочном продукте, а в **прибавочной стоимости**, тайны которой, как писал Ф. Энгельс, открыл К. Маркс. Капиталист вкладывает деньги в производство тех или иных товаров и заинтересован в увеличении прибавочной стоимости. Одним словом, в увеличении количества вложенных им денег. Поэтому он должен мыслить **рационально**, разумно представлять весь процесс производства в движении от начала до конца. В противном случае он может обанкротиться и потерять все.

Бурный рост капитализма в Европе в XVII–XVIII вв. вызывает качественные революционно-эволюционные изменения в общественных отношениях, в политике, науке, в менталитете людей, в философии. Нельзя не вспомнить классический тезис «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические

ские отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой» [Маркс, Энгельс 1955б: 426].

В классическом капитализме в центре внимания философии оказываются проблемы человека, рационализма, свободы, атеизма, просвещения и др.

XVIII век – век Разума и Просвещения. Во Франции в это время жили и работали выдающиеся философы-материалисты Д. Дидро, П. А. Гольбах, К. Гельвеций и другие. В Англии – Дж. Толанд, Э. Коллинз, Д. Гартли и др. Они считали, что задачей философии в первую очередь являются поиск истины и место человека в мироздании. Они как идеологи и просветители восходящей буржуазии полагали, что необходимо освободить человека от религиозного мракобесия, так как он сам является кузнецом своего счастья. Гольбах считал, что «религия всегда была системой поведения, созданной невежественным воображением, чтобы снискать благоволение неизвестных сил, которым, как полагали, подчинена природа» [Гольбах 1963: 367]. Человеку нужны не религиозные предрассудки, сковывающие его инициативу, а свобода, которую Гольбах определял так: «Свобода – это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества» [Там же: 173]. Капиталист или предприниматель должен работать в рамках существующих, общепринятых юридических законов и принципов, и он должен быть освобожден от излишней опеки государственных органов власти.

Великая французская буржуазная революция XVIII в. провозгласила лозунг «Liberté, égalité, fraternité» («Свобода, равенство, братство»). Этот лозунг до сих пор висит на фасадах французских официальных органов власти.

В Конституции Франции, принятой 24 июня 1793 г., прописаны такие пункты. Пункт 3: «Все люди равны по природе и перед законом». Пункт 6: «Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого; ее основу составляет природа, а ее правило – справедливость; обеспечение свободы есть закон» [Документы... 1990: 216].

Образованная в XVIII в. Французская Республика все эти законы неукоснительно соблюдает. Возьмем только закон о равенстве всех независимо от социального статуса и занимаемой должности перед законом. Во Франции президент, например, является лишь чиновником, занимающим высшую государственную должность на определенный срок. Занимая эту должность, он не привлекается к уголовной ответственности, но после окончания своих служебных обязанностей, как показывает современная практика, может быть привлечен к уголовной ответственности.

Великая французская революция отделила церковь от государства, а школу от церкви. Республика была превращена в светское государство, и с тех пор вла-

сти строго следят за тем, чтобы ни в государственных школах, ни в государственных университетах не проповедовали религиозные бредни. Религия и бизнес в строгом смысле слова несовместимы, потому что религия *иррациональна*, а бизнес *рационален*.

Вернемся снова к России. Начнем прежде всего с истории формирования России и обратимся к работам В. О. Ключевского. Великий русский историк пишет, что основным фактом формирования нашей страны является *колонизация*. «Наша история открывается тем явлением, что восточная ветвь славянства, потом разросшаяся в русский народ, вступает на русскую равнину из одного ее угла, с юго-запада, со склонов Карпат. В продолжение многих веков этого славянского населения было далеко недостаточно, чтобы сплошь с некоторой равномерностью занять всю равнину. Притом по условиям своей исторической жизни и географической обстановки оно распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, не *расселяясь*, а *переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и садясь на новые. При каждом таком передвижении оно становилось под действие новых условий, вытекавших как из физических особенностей новозанятого края, так и из новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах. Эти местные особенности и отношения при каждом новом размещении народа сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер. История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский 1987: 49–50].

Колонизованные Россией территории раньше принадлежали Монгольской империи. Колонизацию этих территорий Монголия начала с Востока на Запад, а Россия – с Запада на Восток. На этих территориях жили разные этносы со своей культурой, менталитетом, образом жизни и т. д. Когда они оказались в подчинении Монгольской империи, то были вынуждены подчиняться монгольским порядкам, а после распада Монгольской империи – Российской империи.

Как волюнтарист Петр I решил насильственным путем европеизировать Россию и тем самым нарушил естественную логику развития страны. Каждый народ имеет свой архетип, свою культуру, которая уникальна и неповторима, свой образ жизни, порожденный не только социальными, но и природными условиями. Каждый народ имеет свои традиции и привычки, сформировавшиеся на протяжении веков, а то и тысячелетий. Нет ни природных, ни социальных возможностей полной трансформации одного народа в другой, особенно многочисленного народа. Петр I не считался с объективными обстоятельствами, с желаниями народа, с его непониманием реформ. Реформы Петра I привели к тому, что двести лет Россией правили **немцы и в конце концов они ее развалили**. Вообще Россия была заполнена европейцами, большинство из которых явилось сюда, чтобы сделать карьеру и разбогатеть. Реформы Петра I породили низкопоклонство, комплекс неполноценности перед европейцами. Этот комплекс до сих пор проявляется в российском обществе. СМИ, например, особенно телевидение и радио, восхваляют тех или иных западных артистов, но при этом забывают о том, что в Советском Союзе были не менее талантливые советские артисты, чем на Западе.

Реформы Петра I несколько не улучшили положение трудящегося населения, прежде всего крестьян, которые сильно страдали от крепостного права. Петр I оставил сильную армию, но нищую страну и голодный народ.

Двести лет правления немцев не принесли особых успехов нашей стране, хотя в современной России эпоху царизма рисуют как эпоху процветания и благополучия российских народов, великие русские писатели были совсем другого мнения о жизни нищих крестьян и других бедных людей. Особенно прославляют время правления Екатерины II. Ей посвящают многосерийные фильмы, с восторгом пишут об ее интеллектуальных способностях^{**}. Немка Екатерина мечтала о русской короне, а не о процветании России. В. О. Ключевский пишет, что в Екатерине «рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр голштинский стал наследником русского престола, она “во глубине души предназначала себя ему”, потому что считала эту партию самой значительной из всех; позднее она откровенно признается в своих записках, что по приезду в Россию русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха» [Ключевский 1989б: 9].

В столице России юная немецкая красавица быстро освоилась. Императрица Елизавета Петровна выдала ее замуж за своего племянника Петра III, ставшего после смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. императором России. Он вырос не в России, а в Голштинии, где, как пишет Ключевский, «его так плохо учили, что в Россию он приехал 14-летним круглым неучем и даже императрицу Елизавету поразил своим невежеством» [Ключевский 1989б: 317]. К тому же у него не сложилась семейная жизнь с Екатериной, окруженной молодыми и красивыми гвардейцами, возненавидевшими Петра III. Среди гвардейцев особенно выделялись братья Орловы, Григорий и Алексей. Любвеобильные братья Орловы и их сторонники 28 июня 1762 г. совершили государственный переворот, Петр III был свергнут, и «великая блудница Екатерина II» [Энгельс 1962: 23] заняла царский трон. Она правила Россией 34 года. Это довольно большой срок даже для истории.

Екатерина вошла в историю России как Великая императрица. Но это преувеличение, на самом деле особых заслуг у нее нет. Вот что Пушкин писал об ее «заслугах» перед Россией: «...со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия – и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» [Пушкин 2008: 93].

В XX в. Россия пережила три революции и две мировые войны. После февральской революции 1917 г. страна начала распадаться не только по этническому, но и по территориальному признаку. Великая Октябрьская социалистическая революция спасла Россию от полного развала. В 1922 г. вместо Российской империи было образовано качественно новое государство – Союз Советских Социалисти-

^{**} А вот что пишет об интеллектуальных способностях Екатерины II Ключевский: «Недавно наша Академия наук издала ее сочинения в 12 объемистых томах... Ее сочинения не обнаруживают самобытного таланта. Но она была очень переимчива и так легко усвояла чужую идею, что присвояла ее себе; у нее то и дело слышны отзвуки и перепевы то мадам Севинье, то Вольтера, Монтескье, Мольера и т. п.» [Ключевский 1989б: 29].

ческих Республик. Большевикам досталась крайне отсталая страна. Выступая с речью на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., И. В. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин 1951: 39]. Сталин понимал, что СССР находится в окружении буржуазных стран, что в Германии фашисты все больше и больше укрепляют свои позиции и, вполне вероятно, скоро придут к власти во главе со своим фюрером А. Гитлером, мечтавшим прибрать к рукам российские земли. Он понимал и то, что и другие буржуазные государства могут оказать помощь Гитлеру.

Но не все поддерживали политику ускоренной индустриализации, коллективизации и культурной революции. Л. Троцкий, Г. Зиновьев и Л. Каменев считали, что нельзя построить социализм в отдельно взятой стране. Троцкий ратовал за перманентную революцию. Он утверждал: «Социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» [Троцкий 1990: 286–287]. Н. Бухарин проповедовал идею мирного вставания кулака в социализм. В стране сформировалась мощная оппозиция против Сталина и его группы. Отсюда и репрессии, которые затронули и невинных людей, оказавшихся жертвами исторических обстоятельств. На мой взгляд, если бы не Троцкий, то не было бы и оппозиции. В острой схватке с оппозицией победила группа Сталина, которая провела индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию. Советский Союз превратился в развитое государство с мощной экономикой и сильной армией.

Народы Советского Союза под руководством Сталина выиграли самую страшную войну в истории человечества. Более того, в считанные годы были восстановлены тысячи городов и сел, происходило ежегодное снижение цен. Советский Союз был превращен в супердержаву. В мире возникло два полюса. Во главе одного полюса стоял СССР, другого – США. В острых международных ситуациях они всегда находили общий язык и тем самым спасали весь мир от новой мировой войны.

После смерти Сталина в марте 1953 г. новое руководство во главе с Н. Хрущевым начало ревизовать всю внутреннюю и внешнюю политику Сталина. Особенно усердствовал Хрущев, выступивший на XX съезде КПСС в 1956 г. с оголтелой критикой Сталина, имевшего тогда самый большой авторитет в мировой политике. Хрущев, как Петр I, был *волюнтаристом*, постоянно реорганизовывал экономику и в конце концов довел ее до такого состояния, что уже в 1962 г. были повышены цены на продовольственные товары. Вообще Хрущев нанес огромный вред не только Советскому Союзу, но и всему международному коммунистическому и рабочему движению.

В 1991 г. в стране произошел контрреволюционный переворот. К власти пришли ярые антикоммунисты и антисоветчики, занимавшие до этого высокие должности в партийных и советских органах. В декабре 1991 г. был расчленен великий Советский Союз. Созданный после войны двухполюсный социальный

мир был уничтожен, и в настоящее время остался один полюс во главе с США, что привело ко многим локальным войнам, к уничтожению национальных экономик и национальных культур.

Нынешняя Россия потеряла часть своих территорий, которые раньше входили в состав Монгольской империи, затем Российской империи и Советского Союза. Руководители новой России избрали тоже волюнтаристски капиталистический способ производства. Все было приватизировано, распродано, появились десятки олигархов, экономика топчется на месте, жизненный уровень все больше и больше ухудшается. Усугубляет нынешнюю ситуацию не только в России, но и во всем мире коронавирус (COVID-19). В истории человечества было много вирусов, но они не носили, в отличие от коронавируса, глобального характера. На мой взгляд, COVID-19 – это смесь искусственного вируса с естественным. Иначе говоря, он бы не появился без вмешательства людей. В мире есть силы, которые заинтересованы в уменьшении населения земного шара.

Разрушение двухполюсного мира, цифровизация всех сфер общественной жизни и COVID-19 лишили исследователей возможности прогнозировать будущее человечества. Еще 40 лет назад было немало футурологических концепций, предлагавших те или иные пути развития исторического процесса. Сегодня в условиях нестабильности и быстрых природных и социальных изменений научно очень трудно сказать что-либо относительно будущего всего социального мира, составной частью которого является и Россия.

Литература

Белинский В. Г. Россия до Петра Великого // Русская идея / сост. М. А. Маслин. М. : Республика, 1992.

Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (Феномен евразийства): сб. статей / отв. ред. Ф. И. Гиренок. М., 1993.

Гольбах П. А. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. М. : Социально-экономическая лит-ра, 1963.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

Документы истории Великой Французской революции: в 2 т. Т. 1. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990.

Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов / отв. ред. Л. В. Пономарева. М., 1992.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. I. Ч. I. М. : Мысль, 1987.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. IV. Ч. IV. М. : Мысль, 1989а.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. V. Ч. V. М. : Мысль, 1989б.

Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955а.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 4. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955б.

Новикова Л., Сиземская И. Политическая программа евразийцев – реальность или утопия? // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 104–109.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л. : Наука, 1978.

Пушкин А. С. Дневники. Автобиографическая проза. СПб. : Азбука-классика, 2008.

Сталин И. Соч.: в 13 т. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990.

Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995а.

Чаадаев П. Я. Соч. М. : Правда, 1989б.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. 2-е изд. Т. 22. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962.

References

Belinsky V. G. Rossiya do Petra Velikogo [Russia Before Peter the Great] // Russkaya ideya. Comp. M. A. Maslin. Moscow : Respublika, 1992.

Global'nyye problemy i perspektivy tsivilizatsii (Fenomen yevraziystva) [Global Problems and Prospects of Civilization (The Phenomenon of Eurasianism)]: collection of articles / ed. by F. I. Girenok. Moscow, 1993.

Holbach P. A. Selected Works: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : Sotsial'no-ekonomicheskaya literatura, 1963.

Danilevsky N. Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow : Kniga, 1991.

Dokumenty istorii Velikoj frantsuzskoj revolyutsii [Historical Documents of the Great French Revolution]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow : MSU Press, 1990.

Yevraziya: Istoricheskiye vzglyady russkikh emigrantov [Eurasia: Historical Views of Russian Emigrants] / ed. by L. V. Ponomaryova. Moscow, 1992.

Kljuchevskij V. O. Kurs russoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. I. Part I. Moscow : Mysl', 1987.

Kljuchevskij V. O. Kurs russoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. IV. Part IV. Moscow : Mysl', 1989а.

Kljuchevskij V. O. Kurs russoj istorii [A Course of Russian History]. Vol. V. Part V. Moscow : Mysl', 1989б.

Lyux L. Yevraziystvo [Eurasianism] // Voprosy filosofii. 1993. No. 6. Pp. 105–114.

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. Essays / K. Marx, F. Engels // Works: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955а.

Marx K., Engels F. Manifest Kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. Essays. K. Marx, F. Engels // Works: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 4. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955б.

Novikova L., Sizemskaya I. Politicheskaya programma yevraziytsev - real'nost' ili uto-piya? [Eurasians' Political Program – Reality or Utopia?] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 1992. No. 1. Pp. 104–109.

Pushkin A. S. Poln. sobr. Soch.: v 10 t. [Complete Works in 10 Vol.]. Vol. 7. Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]. Leningrad : Nauka, 1978.

Pushkin A. S. Dnevniki. Avtobiograficheskaja proza [Diaries. Autobiographical Prose]. St. Petersburg : Azbuka-klassika, 2008.

Stalin I. Soch.: v 13 t. T. 13. ijul' 1930 – janvar' 1934 [Essays. Vol. 13. July 1930 – January 1934]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1951.

Trotsky L. D. K istorii russoj revolyutsii [Toward the History of the Russian Revolution]. Moscow : Politizdat, 1990.

Trubetskoy N. S. O turanskom elemente v russoj kul'ture [On the Turanian Element in Russian Culture] / N. S. Trubetskoy // Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow : Progress, 1995a.

Trubetskoy N. S. Nasledie Chingishana. Vzglyad na russojyu istoriju ne s Zapada, a s Vostoka [Genghis Khan's Heritage. A View on Russian History not From the West, but From the East] / N. S. Trubetskoy // Istorija. Kul'tura. Jazyk [History. Culture. Language]. Moscow : Progress, 1995b.

Chaadaev P. Ya. Sochineniya [Writings]. Moscow : Pravda. 1989.

Engels F. Vneshnjaja politika russoj tsarizma [The Foreign Policy of Russian Tsarism] / K. Marx, F. Engels // Soch. [Works]: in 30 vols. 2nd ed. Vol. 22. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1962.